

Лев Бабушкин

Зачем прекрасное прекрасно?

Эстетика на примере
шахматной игры

Лев Бабушкин

**Зачем прекрасное
прекрасно? (Эстетика на
примере шахматной игры)**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бабушкин Л.

Зачем прекрасное прекрасно? (Эстетика на примере шахматной игры) / Л. Бабушкин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-771844-3

Куда ведет нас наша дорога? Можем ли мы сами определять ее? – Можем! – таков ответ этой книги. Хотя автор, кажется, не говорит об этом ни слова, каждое его слово об этом. Важные элементы того, как это делать, устанавливаются. Эта книга – исследование, где шахматы становятся моделью, позволяющей искать и находить взаимосвязи и закономерности, делать обобщения, выходящие далеко за пределы шахматной игры.

ISBN 978-1-38-771844-3

© Бабушкин Л.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лев Борисович Бабушкин

Зачем прекрасное прекрасно?

Эстетика на примере шахматной игры

*Инне Вихровой
с благодарностью
и любовью*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Куда ведет нас наша дорога? Можем ли мы сами определять ее? – Можем! – таков ответ этой книги. Хотя автор, кажется, не говорит об этом ни слова, каждое его слово об этом. Важные элементы того, как это делать, устанавливаются.

Эта книга – исследование, где шахматы становятся моделью, позволяющей искать и находить взаимосвязи и закономерности, делать обобщения, выходящие далеко за пределы шахматной игры.

Мы проживаем наши жизни, сотканные из бесчисленных миллионов мгновений. Когда каждое мгновение становится мгновением эстетическим и мгновением творческим – загорается наше внутреннее солнце, которое в свою очередь, делает каждое мгновение творческим и эстетическим. Вот элементы той реакции, которая питает эволюционный процесс.

Для тех, кто думает о выживании, стремится к развитию, эта книга практически полезна.

А.Шаркий

18.02.2018

ВВЕДЕНИЕ

С некоторых пор стало привычным заинтересованное внимание ученых к шахматной игре, и уже не очень удивляют шахматные диаграммы на страницах солидных научных монографий. Веками совершенствуясь в стратегии и тактике борьбы за шахматной доской, шахматисты создавали и познавали (одно неотделимо от другого) свой особый мир, который, однако, подчинен тем же законам, что и мир реальный. И вот пришло время обратить на пользу науке накопленный в игре опыт.

Наибольшее внимание шахматам уделяли психологи и кибернетики. Однако рано или поздно к ним должны были примкнуть и эстетика. Эстетическое начало очень сильно в шахматах; созданные века назад шахматы не просуществовали бы так долго, если бы их красота не привлекала к себе миллионы людей. И теперь – хотя это уже не так очевидно – красота остается одним из тех китов, на которых держится мир шахмат.

Включение шахмат в сферу эстетической науки вовсе не означает признание игры искусством или, наоборот, искусства – игрой. К сожалению, эстетика до сих пор часто отождествляется с философией искусства. Однако область ее приложения гораздо шире: не только искусство подчинено законам красоты, и поэтому не только из искусства эстетика может и должна черпать свой материал и свои проблемы.

В настоящей работе предпринимается попытка с помощью шахмат найти ответы на весьма сложные вопросы эстетики. И независимо от того, насколько удачной окажется эта попытка, я убежден в том, что выбор шахмат в качестве непосредственного объекта эстетического анализа является правильным и плодотворным.

На чем основывается такая уверенность? Красота органически присуща «жизни» шахматных фигур. «Вспоминая яркие партии... мы отдаем себе отчет в том, что наше восхищение ими основано на глубоком эстетическом чувстве, своеобразном, но ничем не отличающемся от чувства, охватывающего нас перед красотой здания, гармонической красотой природы или физическом совершенстве человека.» (Бронштейн Д., Смолян Г., «Прекрасный и яростный мир», М.: «Знание», 1978, стр. 33).

Законы красоты едины, и природа ее проявлений в шахматах так же загадочна, как и в других областях жизни и человеческой деятельности. Но шахматный мир, конечно же, проще мира реального, а поэтому и его эстетика более доступна для анализа. Вместе с тем, шахматный мир достаточно сложен для того, чтобы результаты его изучения могли быть экстраполированы далеко за его пределы и обрели общенаучное значение.

Общезначимыми являются многие проблемы, «имманентно» возникающие в ходе исторического развития шахматной мысли. Но в шахматах они легче осознаются и проще формулируются. К ним относится и проблема, которую нам предстоит обсудить.

На протяжении длительного времени сражения на шахматной доске проходили под знаком романтизма. Девизом этого времени было: Творчество и Красота. Не просто выиграть, но выиграть красиво! – к этому стремились игроки, этого требовала публика. Но в чем она, красота? Что прекрасно в шахматах? Нельзя сказать, что теоретические проблемы эстетики уж очень занимали шахматный мир, но если о красоте размышляли, то старались ответить именно на эти вопросы.

Так было, пока романтизм преобладал над реалистическими тенденциями. Но как известно, романтизм – это удел молодости, которая не может продолжаться вечно. И когда в первой половине XX-го столетия он (романтизм) потерпел окончательное крушение, в шахматах стали назревать другие проблемы.

Порвав с прежними идеалами, шахматисты стали «забывать» и все то положительное, что в них было, то 'вечно' ценное, без чего нормальное, здоровое развитие шахмат никогда не смо-

жет обойтись. И не в последнюю очередь это коснулось отношения к красоте. Под сомнением оказались не только прежние эстетические установки, которые, действительно, во многом устарели и пришлись не в пору новым шахматам, но и сама надобность считаться с какими бы ни было эстетическими критериями. Основным, а для многих и единственным стимулом к занятию шахматами стали спортивные успехи. Гипертрофированная спортивная сторона шахмат послужила причиной сравнительно недавнего «шахматного бума» в мире. Но эта же причина вызвала и те негативные последствия, которые сегодня тормозят их развитие. «Шахматы переживают трудный период. С одной стороны они достигли высочайшего уровня, с другой – породили холодный практицизм... Очень многие шахматисты не столько творят, сколько помнят, воспроизводят уже известные приемы» (Т. Петросян. «64», № 29, 1979)

Отмечу и еще одно относительно новое явление в шахматах, повлиявшее на их эстетическую проблематику, – причем повлиявшее настолько серьезно, что от восхваления красоты впору, казалось бы, переходить к ее защите и оправданию. Я говорю о компьютерных шахматах. Не ведающие никаких чувств электронные шахматисты стали играть почти на равных с ведущими гроссмейстерами мира, а порой и побеждать их. Впрочем, выводы из этого можно делать разные. С одной стороны – несомненный успех электроники и программирования, с другой – не сами ли «белковые» шахматисты дали фору компьютерам, «добровольно» (?) перейдя от творческой (эстетической) игры к игре «технической»?

«Теперь так не ошибаются» – сказал один молодой мастер про яркую шахматную комбинацию, восхищавшую не одно поколение шахматистов. Действительно, большинство тактических шедевров прошлого было следствием грубых ошибок противника, если, конечно, судить с высот современных шахматных знаний. И не следует ли из этого заключить, что вытеснение красоты является неизбежным следствием повышением уровня игры?

Изменения, произошедшие в шахматах (и не только, конечно, в шахматах) по существу бросили вызов эстетической науке. Прежде размышляли о том, из чего складывается красота, какие стороны жизни шахматных фигур вызывают чувственный отклик в душе шахматиста. Теперь вперед выступили другие проблемы. Нужна ли современным шахматам красота? Имеет ли она объективный смысл? Для чего это нужно, чтобы одни ходы восхищали и очаровывали шахматиста, а другие оставляли его равнодушным? И в конечном счете: Зачем прекрасное прекрасно?

Глава 1

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ – АТТРИБУТ ПРЕКРАСНОГО

Известно изречение Ф. Бэкона: «Не существует совершенной красоты, которая не содержала бы в себе известную долю странности» (Около 1600-го года). Опыт шахматной эстетики подтверждает наблюдение философа. При всем различии суждений о шахматной красоте, ценители сходятся в одном: красивые ходы (а лучше сказать – идеи) – всегда необычны, неожиданны, непредсказуемы, то есть – парадоксальны.

«Для того чтобы нести в себе начало красоты, способное доставить эстетическую радость, чувство, которое пронизывает человека при встрече с красотой во всех формах ее проявления, шахматная партия, этюд, задача должны в качестве обязательного элемента нести что-то неожиданное.» (Т.Петросян. В кн. И. Линдер «Эстетика шахмат», М., 1981, стр. 220)

«Мне представляется красота шахмат в необычности ходов, в нестандартности решений, нешаблонности игры. Я сторонник не внешних эффектов, а оригинальных продолжений» (Л. Полугаевский, там же, стр. 228)

«Красота логики, в моем представлении, отступает перед эффектом парадокса» (М. Таль, там же, стр. 223)

Считается общепризнанным, что тривиальное красивым быть не может; банальность для красоты – смерть. Прекрасное – это редкое. Восхищение, которому всегда сопутствует удивление, в шахматах вызывают только труднонаходимые, неочевидные идеи. *«То, что нас восхищает в шахматах, взятое в своей сущности, для всех нас... одно и то же: торжество глубокого, гениального замысла над прозой повседневности, победа индивидуальности над тривиальным»* (Р. Рети «Что восхищает нас в шахматах», «Шахматы», № 3–4, 1923).

Прекрасное отрицает привычное, а утверждает возможность «невозможного». Можно сказать, что парадоксальность красоты является ее «врожденным» свойством (атттрибутом), поскольку красота и рождается в борьбе с очевидным и банальным.

Здесь, видимо, нелишне остановиться на самом понятии «парадокс» Словари определяют несколько значений этого слова, но наиболее подходящее определение для эстетического анализа шахмат звучит так: «неожиданное, казавшееся прежде невозможным явление» Но какие же неожиданные явления могут быть в игре, подчиненной строгим правилам? Математическая теория игр, например, относит шахматы к числу «основанных на умении игр, в которых два противника играют друг против друга *без вмешательства случая*» (Выделено мной – Л.Б.) (Э. Цермело «О применении теории множеств к теории шахматной игры». В кн. «Теория игр. Матричные игры», М., 1961 г.).

Дело в том, что наряду с формальными и строгими исходными правилами игры, в шахматах действуют исторически сложившиеся принципы борьбы, которые предписывают: стремиться к материальному превосходству, захватывать центр доски и открытые линии, не ослаблять позицию собственного короля и так далее. И шахматист (если он только не играет в «поддавки»!) должен следовать этим принципам, принимающим в сущности характер объективных законов борьбы. Это проверено и доказано практикой, опытом многих тысяч сыгранных партий.

Однако в шахматных партиях время от времени возникают позиции, которые оказываются как бы за пределами действия известных и признанных законов борьбы. Объективно

сильнейшими в этих позициях оказываются продолжения, самым очевидным образом нарушающие требования здравого смысла. И именно такие, «противозаконные», но на деле самые сильные и правильные (!) ходы – парадоксальны и красивы.

М. Тайманов – Б. Ларсен

Винковицы, 1970 г.

Ход черных

В этой позиции черные сыграли «не по правилам»: 14...g7–g5! Обычно так ходят только начинающие игроки, которым трудно удержаться от соблазна напасть на фигуру (вдруг противник не заметит) или дать шах («вдруг получится мат?!»). Однако в партии гроссмейстеров такое «антипозиционное» продолжение выглядит диковато: недопустимо так ослаблять позицию собственного короля – говорит теория. З. Тарраш называл подобные ходы игрой на самопроигрыш. Тем не менее Ларсен эту партию выиграл, а последующий анализ, в том числе и компьютерный, подтвердил, что ход g7–g5 – сильнейший в данной позиции.

Совершенно невероятное происшествие случилось в легкой партии американского мастера Эдуарда Ласкера (однофамильца второго чемпиона мира) с английским лордом и сильным шахматистом Дж. Томасом. Обычно респектабельный шахматный король отсиживается в безопасном месте, по крайней мере, до наступления эндшпиля. Однако король, руководимый сэром Томасом, был вынужден пройти по всей доске на встречу со своим белым коллегой, от которого и получил мат. Мат королем – разве это не удивительно?!

Ход белых

11. Фh5:h7+!

Жертва ферзя всегда производит сильное впечатление!

11... Kpg8:h7

12. Ke4:f6++ Kph7-h6

13. Ke5-g4+ Kph6-g5

14. h2-h4 Kpg5-f4

15. g2-g3+ Kpf4-f3

16. Cd3-e2+ Kpf3-g2

17. Лh1-h2+ Kpg2-g1

18. Кре1-d2 мат.

Вместо последнего хода можно было сделать длинную рокировку: 0-0-0# Не каждый шахматист может похвалиться такой записью на бланке.

Время таких комбинаций, видимо, ушло. Точнее говоря, они сами изжили себя, породив позиционную игру, сущность которой, согласно утверждению А. Нимцовича, заключается в профилактике. Почему так случилось? В принципе можно долго теоретизировать на эту тему. Но если отступить от слишком серьезного тона, то можно сказать так: восторгаясь разгромными комбинациями прошлого, мы забываем о тех, кто этих восторгов не разделял – то есть о проигравших. Вот они-то эту «разгромную» красоту и погубили!

И только подспудно, в вариантах – как тени ушедшего времени – присутствуют комбинации прошлого в современных шахматных партиях, вынуждая мастеров делать невзрачные на вид профилактические ходы. Вся история шахмат – это противостояние мастерства атаки и искусства защиты (профилактики). И атака, и профилактика равно совершенствовались в этом процессе, взаимно развивая и усиливая друг друга; но профилактика как будто взяла верх и потеснила комбинацию – а вместе с ней, как многие считают, и красоту.

Однако и в исторической борьбе атаки и защиты, равно как и в 'локальных' схватках белых и черных фигур в шахматных партиях, случаются парадоксальные отклонения от «нормального» хода событий. Великолепным тому подтверждением может служить партия Каспаров – Топалов, (Вейк-Ан-Зее, 1999) – тень «блуждающего короля» из миниатюры Эд. Ласкера неожиданно обретает в ней новую плоть, более глубокую и полнокровную красоту.

Партия Каспаров – Топалов была опубликована в Интернете с подробными и очень интересными комментариями чемпиона мира. Вот что говорит Г.Каспаров по поводу комбинации, проведенной им в этой партии:

«Ясно, что комбинация должна нести в себе что-то завораживающее, это должна быть комбинация с матовым финалом, с жертвами, где сила духа будет торжествовать над грубой материей... Это то, что нравится всем без исключения.... Но современная техника защиты не позволяет проводить такие комбинации, пресекает их в самом зародыше. Жертва фигуры и даже пешки представляется уже чем-то особенным, а жертва ладьи без ярко выраженного комбинационного мотива стала уже реликтом в партиях ведущих шахматистов. Ну, а легендарные проходы короля через всю доску, когда белому или черному монарху под ураганным огнем приходится пересекать минные поля, они вообще отошли в предания старины глубокой. Времена «вечнозеленой» и «бессмертной» партий, сыгранных Адольфом Андерсеном в XIX веке, канули в прошлое. И меньше всего я думал, что когда-либо мне удастся воскресить этот мятежный, романтический дух на шахматной доске и создать комбинацию, которая будет удовлетворять всем самым строгим критериям»

Г. Каспаров считает партию с Топаловым одной из лучших в своей шахматной карьере. Комбинация Каспарова прекрасна, а великолепные комментарии превращают ее в произведение искусства, потому что раскрывают эту красоту для тысяч людей. Только очень немногие из любителей шахмат могли бы самостоятельно найти изумительные варианты, демонстрируемые чемпионом мира.

Г. КАСПАРОВ – В. ТОПАЛОВ

Вейк-ан-Зее, 1999 г.

24. Лd1:d4!!

«Когда я сделал этот ход, я видел лишь повторение ходов и возможность продолжать атаку, но мозаика всего варианта еще окончательно не сложилась... Топалов думал примерно 15 минут... Мысль работала в одном направлении, и в какое-то из этих мгновений я увидел всю ветку вариантов... В этот же момент я понял, что ходом 24...Крb6 черные разрушают всю конструкцию...

Может быть, если бы Топалов пошел 24...Крb6! (24...С:d5?! 25.Л:d5! К:d5 26.Ф:f7+ Кс7 27.Ле6 Лd7 28.Л:d6 Л:f7 29.Кс6+ Кра8 30.f4 с чуть лучшей позицией у белых), то я нашел бы ход 25.Кb3! после которого взятие ладьи снова невозможно: 25...С:d5! (25...cd4? 26.Ф:d4+ Крс7 27.Фа7+ Сb7 28.Кс5 Лb8 29.Ле7++-; 25...К:d5? 26.Ф:f7 Лhf8 27.Фg7 Лg8 28.Фh6 Фf8 29.Лh4±) 26.Ф:d6+ Л:d6 27.Лd2 Лhd8 28.Лed1, и белые удерживают равенство, но не больше. Сама мысль, что можно испортить такую комбинацию, давила на психику, и я молил бога, чтобы Топалов побил на d4. Я еще не был уверен, что это выигрывает, но красота комбинации, которую я увидел, поражала.

Я не поверил своим глазам, когда Веселин, резко дернувшись, побил ладью. Как он объяснил после партии, напряженная борьба его утомила, и он считал, что после взятия ладьи белые будут вынуждены форсировать ничью повторением ходов. Основную идею комбинации он видел, но ему не приходило в голову, что белые будут играть без ладьи, пытаясь использовать выдвинутое положение короля на a4.»

24...c5:d4?!

«Этот ход проигрывает партию, но он заслуживает и восклицательного знака, потому что великие комбинации не создаются без участия партнера. Если бы Топалов не взял ладью, то

партия могла кончиться вничью, у Веселина было бы больше на пол-очка, у меня меньше. Он бы чуть-чуть выиграл, я чуть-чуть проиграл, а шахматы и их любители многое бы потеряли. Но в этот день Каисса была ко мне благосклонной...»

25. Лe1–e7+!

«Этот ход я сделал молниеносно. А над чем было думать? Ладья неприкосновенна, такие ходы всегда делаются с удовольствием... Две белые ладьи своим самопожертвованием открывают дорогу белым фигурам в лагерь черных... Если черные пойдут 25...Крb8? то после 26.Ф:d4! Кd7 27.С:d7 С:d5 28.с4! Ф:e7 29.Фb6+ Кра8 30.Ф:a6+ Крb8 31.Фb6+ Кра8 32.Сс6+! С:c6 33.К:c6 они проигрывают форсировано.

Надо отметить, что 25.Ф:d4? не достигало цели ввиду 25...Фb6 26.Лe7 Кd7, и атака белых выдыхается.»

25... Кра7–b6

26. Фf4:d4+ Крb6:a5

После тура некоторые участники, в том числе Ананд, утверждали, что ход 26...Фс5 спасал партию, однако после 27.Ф:f6+ Фd6 28.Се6!! белые перекрывают линию, оставляя себе возможность варьировать угрозы и поставить черных в безвыходное положение, например, 28... С:d5 (28...Лhe8 29.b4!+-) 29.b4! Са8 30.Ф:f7 Фd1+ 31.Крb2 Ф:f3 32.Сf5 – самое простое: все линии перекрыты, и матовые угрозы становятся неотвратимыми.

27. b2–b4+ Кра5–a4

28. Фd4–c3 Фd6:d5

Еще слабее 28...С:d5, ввиду 29.Крb2! с неизбежным матом.

29. Лe7–a7! Са8–b7

30. Ла7: b7 ...

Белые отказываются от последней возможности форсировать вечный шах ходом 30.Фс7. Я почему-то был уверен, что белые достигают большего. Конечно, 30...Лd6 31.Лb6! – вариант эффектный, но довольно несложный. Черная ладья с поля d6 не в состоянии выполнить две функции – защищать пешку a6 и контролировать поле d4, потому что на Кrb2 черные обязаны иметь ход Фd4. Важно, что шаха на d1 нет, потому что белый король неожиданно идет на a2 и выясняется, что угрозу Фb3 можно поддержать и королем с поля a2. Поэтому черные вынуждены находиться ферзем на d5 (надо понять этот важнейший момент), дабы контролировать поле b3 и иметь ход Фd4 при короле белых на b2. Значит, ладья должна находиться на d8. Это, конечно, оставляет возможность для самых разнообразных задачных мотивов, которые наиболее наглядно проявляются именно в этом варианте. Его видели оба соперника. Топалов, потратив какое-то количество драгоценных минут, сыграл

30... Фd5-c4

31. Фс3:f6 Кра4:a3

Пожалуй, здесь Топалов все еще пребывал в заблуждении, что у белых нет ничего лучшего, кроме 32. Ф:a6 Кrb4 и 33.Cd7. И действительно, что еще может найтись у белых, когда их король сам оказался под матом. Черные упускают лучшую защиту, которая позволяла им продлить сопротивление в эндшпиле ходом 31...Лd1.

32. Фf6:a6+ Кра3:b4

33. c2-c3+!

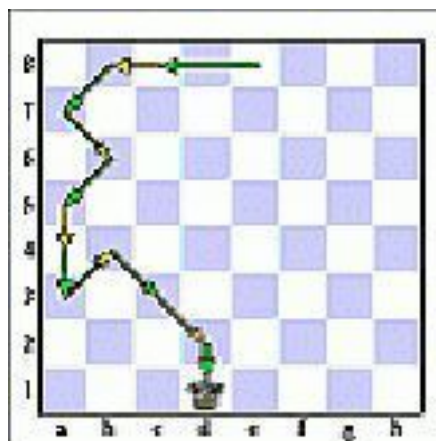
Наверное, в этот момент Топалов все понял. Конечно, он увидел ход 36...Лd2 и, наверное, как это часто бывает с шахматистами, тут же обнаружил Лd7. У черных нет выбора, они вынуждены бить королем на c3.

33... Крb4:c3

34. Фа6-a1+ Крс3-d2

Назад дороги нет: 34...Крb4 35.Фb2+ Кра5 36.Фа3+ Фа4 37..Ла7, выигрывая ферзя.

35. Фа1-b2+ Кpd2-d1

Черный король прошел путь на свою голгофу – с поля b8 до поля d1 – через всю доску! И когда кажется, он достиг тихой гавани (у белых нет больше шахов), слон, который стоял на h3, стреляя в пустоту и выполняя только охранные функции на поле e6, наносит свой удар.

36. Ch3–f1! ...

Белые напали на ферзя, которому отступать некуда: на отступление по линии «с» следует 37.Фе2#, а на отступление на е6 следует мат с поля с1.

36...Лd8–d2

Черные наносят контрудар, и на секунду снова кажется, что худшее позади, потому что – какие еще резервы остались у белых? Секунда передышки, и черные сами объявят шах белому королю, который будет последним. Но тут вступает в действие белая ладья.

37. Лb7–d7!

Слабость диагонали a1–h8 – это важнейший элемент комбинации. От таких мелочей обычно зависит все. Стой черная ладья на поле g8, и никакой комбинации не было бы... А после 37.Лd7 черным надеяться больше не на что... Черные вынуждены взять ладью на d7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.